

УДК 908

КАЗУС В. И. РЯБИНИНА: СТРАХОВЫЕ КОМПЕНСАЦИИ НА ТРУБОЧНОМ ЗАВОДЕ В САМАРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Л. М. Комин

В данной статье на примере страховых компенсаций рассматривается проблема социальных обязательств в рамках взаимоотношений рабочих и фабрикантов. На материалах судебной тяжбы рабочего Самарского Трубочного завода Василия Ивановича Рябинина в статье исследованы стратегии фабрикантов, роль патриархальных традиций в заводском быту и представления современников о лояльном поведении.

Ключевые слова: травматизм; страховые компенсации; рабочие и руководство; завод; повседневные практики; стратегии поведения.

В погоне за пенсией

20 августа 1913 года в Самарский Трубочный завод поступила повестка о вызове уполномоченного лица в Окружной суд по делу Василия Ивановича Рябинина, который некогда был рабочим завода.

Поверенный Рябинина, Александр Павлович Семененко, требовал, чтобы его доверителю была назначена пенсия за полученное увечье размером 17 рублей в месяц или 204 рубля в год. Он был убеждён, что Особое присутствие по назначению пенсии вольнонаёмным мастерам, рабочим и служащим на Самарском Трубочном заводе ошибочно определило степень потери трудоспособности Рябинина, вследствие чего и размер пенсии был установлен неверно. Данный вопрос требовал судебного разбирательства [1, л. 63, 63 об.].

Первое, на что следует обратить внимание, это протокол от 27 октября 1912 года, описывающий обстоятельства происшествия. Согласно закону от 9 июня 1904 год, на основании таких протоколов Особое присутствие назначало вознаграждение [2].

Итак, 10 октября 1912 года около 10 часов вечера в Механической мастерской рабочие собирали гидравлический пресс. Среди них был и Рябинин. Для перемещения верхней скобы пресса использовали треногу, нижние концы которой были соединены крючками. Во время подъёма скоба зацепилась за

крючок. Конструкция вместе с грузом могла рухнуть на пол. Рябинин схватил крючок руками, нажал книзу и, рванув к себе, освободил от нажимающей на него планки скобы пресса. В тот же момент он почувствовал боль в спине, не смог разогнуться. Его отправили в приёмный покой для оказания медицинской помощи. Затем перевели на лечение в Самарский местный лазарет [1, л. 1, 65 об.].

Из расчётной книжки Рябинина видно, что лечился он на протяжении четырёх с половиной месяцев, и по итогу получил пособие в размере 37 рублей 20 копеек [1, л. 17 об., 18, 18 об., 19, 19 об., 20, 20 об.]. К сожалению, полностью восстановиться ему не удалось, ввиду чего последовало назначение пенсии.

19-го февраля 1913 года состоялось заседание Особого присутствия, на котором было установлено, что потеря трудоспособности Василия Рябинина равнялась 30%. Разрыв спинных мышц, полученный в результате несчастного случая, не позволял долго стоять на ногах, а также ходить и сгибать туловище [1, л. 8 об., 66].

С определением размера пенсии возникли некоторые сложности. Обычно 2/3 от годового заработка умножалось на коэффициент потери трудоспособности [2]. Однако во-первых, Рябинин проработал на заводе не год, а всего три месяца; во-вторых, он получал сдельную заработную плату, что не

© Комин Л. М., 2024.

Комин Леонид Маркович (K.Leonid663@gmail.com),

студент II курса исторического факультета Самарского университета, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

позволяло точно определить его годовой заработок.

Особое присутствие поступило следующим образом. За 75,5 дней работы на заводе Рябинин получил заработной платы 69 рублей, значит его поденный заработок равнялся 91,39 копеек. Годовой же заработок составлял 237 рубля 61 копейку, считая 260 рабочих дней в году. Согласно законодательству, пенсия не должна превышать 2/3 от годового содержания рабочего, поэтому максимально возможный размер пенсии для Рябинина мог составить 158 рублей 40 копеек. Принимая во внимание, что утрата трудоспособности составляла лишь 30%, Рябинину была начислена пенсия 47 рублей 52 копейки в год или же 4 рубля 75 копеек в месяц. Так как рабочий во время своего лечения получал пособие, то пенсия должна была выплачиваться только с февраля [1, л. 8 об., 9].

Однако назначенная сумма пенсии не удовлетворила рабочего, и он затребовал единовременное денежное пособие, которое составило бы десятикратный размер пенсии [1, л. 43]. По закону, замена пенсии на разовую выплату была возможна лишь при учёте двух условий. Во-первых, с момента назначения пенсии не должен был пройти год. Во-вторых, пенсия не должна была превышать 24 рубля в год [2]. Поскольку размер пенсии, назначенный Рябинину, составлял 47 рублей 52 копейки в выплате единовременного пособия ему было отказано [1, л. 43].

Василий Рябинин не отступил и заключил договор с помощником присяжного поверенного Александром Павловичем Семененко. 7 марта 1913 года последний направил в Трубочный завод прошение о выплате Рябинину единовременного вознаграждения в размере 3600 рублей, так как, по его сведениям, бывший рабочий зарабатывал 30 рублей в месяц и, соответственно, 360 рублей в год [1, л. 44].

Стоит отметить, что запрос Семененко расходился с действующим законодательством. Во-первых, размер пенсии должен был составлять 2/3 от годового содержания рабочего, а значит единовременная выплата не могла равняться 3600 рублей при годовом заработке 360 рублей. Во-вторых, максимально возможный размер единовременной выплаты мог составить 240 рублей. Ни о каких 3600 рублей не могло идти и речи [2].

Ответ завода не заставил себя долго ждать. 9 марта начальник завода, ссылаясь на положения законодательства, лично дал разъяснения, почему бывшему рабочему Рябинину была назначена пенсия в размере 47 рублей 52 копейки, а также обосновал отказ в выплате единовременного вознаграждения. Начальник завода сообщил, что в случае несогласия с решением Особого присутствия рабочий или его поверенный могут в двухмесячный срок заявить Присутствию возражение. Тогда будет назначен пересмотр дела. В случае несогласия и с повторным решением Особого присутствия, по закону, предоставлялся трёхмесячный срок, чтобы предъявить судебный иск [1, л. 46 об., 47].

Рябинин и его поверенный поступили в точности так, как сказал начальник завода. 12 апреля Семененко подал прошение о пересмотре дела, указывая, что годовой заработок Рябинина равнялся 360 рублям, а утрата трудоспособности составила 70%, поэтому пенсия должна быть увеличена. 1 мая рабочему следовало явиться в Самарский местный лазарет для проведения повторного освидетельствования. Но это не привело к новым результатам: врачи лазарета, как и заводские, оценили потерю трудоспособности Рябинина в 30% [1, л. 48, 52, 54, 66 об.].

4 мая состоялось повторное заседание Особого присутствия, на котором, учитывая данные повторного освидетельствования, была назначена пенсия в размере 57 рублей. Почему сумма увеличилась? Дело в том, что расчётное количество дней, проработанных Рябининым, снизилось с 75,5 до 63. Были вычтены все сверхурочные часы и засчитаны только полноценные дни, когда рабочий выходил на завод. Соответственно, его поденный заработок теперь равнялся 1 рублю 69,6 копейкам, а годовое содержание – 285 рублей. 57 рублей как раз составляло 30% (коэффициент утраты трудоспособности) от 285 рублей [1, л. 61, 60 об.].

Таким образом, руководство завода всё-таки пошло навстречу Рябинину, осуществило перерасчёт и увеличило ему пенсию на 10 рублей. Однако и этот результат не удовлетворил рабочего и его поверенного. Они обратились в Самарский Окружной суд.

20 августа 1913 года в Трубочный завод поступил судебный иск по делу бывшего

рабочего Василия Ивановича Рябинина. Рабочий и его поверенный вновь настаивали на увеличении суммы выплат. Руководству завода необходимо было составить ответ на иск Рябинина.

Как следует из этого ответа, линия защиты завода состояла из двух пунктов. Во-первых, утверждалось, что размер пенсии Рябинину назначен верно, так как и врачи Самарского трубчатого завода, и врачи Самарского местного лазарета, проводившие освидетельствование, определили степень потери трудоспособности одинаково, в соответствии с чем и была назначена пенсия в 30% от 2/3 его годового заработка. Во-вторых, указывалось, что если даже допустить потерю трудоспособности Рябинина в 70%, то и в таком случае размер пенсии равнялся бы лишь 136 рублей 50 копеек или 11 рублей 54 копейки в месяц, но не 17 рублей в месяц, как это было указано в иске. Уполномоченный завода, коллежский асессор Степан Кононович Гембе, требовал отказать Рябинину в присуждении большего размера пенсии, а также возложить на него уплату судебных издержек [1, л. 88 об., 89].

Судом было назначено независимое медицинское освидетельствование. Во время обследования врачи установили новую причину боли, о которой ничего не было сказано в предыдущих освидетельствованиях, – излишнюю чувствительность левого седалищного нерва. Данное изменение могло быть вызвано несчастным случаем. Врачи рекомендовали поместить пострадавшего в Шихобаловскую больницу для точного невропатологического обследования [1, л. 93, 93 об.].

Суд удовлетворил рекомендации врачей и 15 марта 1914 года было проведено освидетельствование Рябинина в Шихобаловской больнице. Установлено, что повреждение поясницы, результатом которого стало хроническое воспаление левого седалищного нерва, ограничивало его общую трудоспособность чернорабочего в размере десяти процентов (10%), причём сохранялась надежда на полное выздоровление [1, л. 101].

На финальном заседании суда, 25 июня 1914 года, уполномоченный Трубочного завода Гембе просил об удовлетворении иска согласно новым данным, полученным при последней судебной экспертизе. Однако Суд отказал,

так как, согласно статьи 480 Устава Гражданского Суда, истцу Рябинину не могло быть присуждено меньше того, что ответчик предлагал ему до предъявления иска [1, л. 110 об.].

Таким образом, Окружной Суд сохранил Рябинину пенсию в размере 57 рублей в год, однако возложил на него все судебные издержки, общая сумма которых составила 273 рубля 40 копеек. Это размер пятилетней пенсии. Судебный процесс оказался крайне невыгодным для рабочего и его поверенного. Дальнейшая судьба Рябинина сложилась достаточно печально: 17 июля 1914 года его мобилизовали, и в октябре того же года в боях под Варшавой он был смертельно ранен [1, л. 103, 129].

Интересна роль помощника присяжного поверенного, господина Семененко. Скорее всего его интересовала исключительно финансовая выгода. Известно, что после окончания процесса, Семененко, как доверенный потерпевшего, получал пенсию и не передавал её Рябинину [1, л. 128 об.].

Однако история Василия Рябинина на этом не закончилась. Руководство завода составило проект апелляции жалобы. В ней указывалось, что статья 480, на которую ссылался суд в своём решении, не может быть применена к делу Рябинина. Спор шёл о размере пенсии, а не о праве истца на получение вознаграждения. Кроме того, утверждалось, что сторона ответчика была введена в заблуждение. Руководство завода требовало отменить решение Окружного суда и назначить Рябинину пенсию в размере 19 рублей в год [1, л. 119 об., 120, 120 об.].

19 августа 1914 года проект жалобы был отправлен в Казанское окружное артиллерийской управление на согласование. Но военно-окружной совет постановил завершить это дело, и посредством телеграммы начальнику Трубочного завода было приказано жалобу не подавать [1, л. 124, 124 об., 126].

Отметим, что аргументация, указанная в жалобе, кажется весьма посредственной. Складывается ощущение, что руководство завода просто-напросто хотело проучить дерзкого рабочего. Почему же руководство Трубочного завода сначала пошло навстречу Рябинину, а после судебного разбирательства преследовало цель уменьшить его пенсию?

Фабриканты и патриархальный уклад

Как представляется, ответ на данный вопрос стоит искать в повседневной практике взаимодействия рабочих и руководства предприятий. Данная проблема неоднократно становилась предметом изучения историков. В советскую эпоху внимание уделялось, в основном, рабочему движению, забастовкам и стачкам [3, 4].

В современной историографии наблюдается отход от марксистской методологии [5, 6, 7]. Изучая архивные фонды предприятий, а также личные фонды рабочих и предпринимателей, исследователи выяснили, что были случаи, когда трудящиеся и фабриканты не являлись антагонистами, а даже наоборот – сотрудничали. Стоит отметить фундаментальный труд Е.Ю. Семёновой, в котором были рассмотрены случаи проявления лояльности руководством по отношению к рабочим, даже в моменты забастовок [8, с. 41].

В данной работе Самарский Трубочный завод рассматривается не как место производства, а как социальное пространство. П. Бурдые использовал термин «поле» – набор возможных позиций в некоей игре, контрасты между которыми создают структуру и ориентиры осмысленного действия. То есть, в нашем случае речь пойдёт о заводском поле, структуру которого составляли противостояния позиций рабочих и фабрикантов (акторов). Актёры боролись за перераспределение капитала, который был важен для конкретного поля, и за то, чтобы занять таким образом доминантные позиции [9, р. 72–77]. Стоит отметить, что в заводском поле актёрами являлись не только трудящиеся и руководство, но также семьи рабочих, врачи, поверенные и так далее. Однако в рамках данной работы как актёры будут рассматриваться только рабочие и руководство.

Фабриканты по сути являлись чиновниками, так как Трубочный завод был частью государственного сектора экономики, подчинялся Главному артиллерийскому управлению (ГАУ). Они обладали монополией на власть в заводском поле. Задачей руководства являлось повышение производственных мощностей и выполнение распоряжений Главного артиллерийского управления.

Трудящиеся составляли основную производственную силу завода, но находились в

подчинении руководства, зависели от него. В подавляющем большинстве, рабочие – это бывшие крестьяне, приехавшие из соседних губерний на заработки. Жили они либо в заводских бараках, либо снимали небольшой угол в городских квартирах. Среднестатистический заработок рабочего Трубочного завода составлял 459 рублей в год [10, л. 17], что было выше среднего для подобных предприятий [5, с. 77]. Однако даже в таком случае, 2/3 этой суммы уходила на оплату жилья и содержание семьи. Зачастую за счёт одного рабочего жили жена с несколькими детьми, а также престарелые родители [11, с. 230–231].

Для обозначения средств достижения доминирования в поле П. Бурдые использовал термин «стратегии» [12, с. 132]. Например, забастовка – это стратегия рабочих. Какие же стратегии были у руководства? Для того, чтобы разобраться в этом сюжете, рассмотрим несколько историй, связанных с выплатой страховых компенсаций.

3 июля 1914 года Начальнику завода поступило прошение о назначении пенсии от рабочего Сергея Ивановича Герасимова. В течение последнего года он болел туберкулёзом и, совсем ослабев, 1 июня 1914 года оставил службу [13, л. 1].

В ходе медицинского освидетельствования врачи установили, что усиленные работы с января 1914 года способствовали быстрому развитию процесса в лёгких. Это сопровождалось полной утратой трудоспособности. 23 июля 1914 года Особое присутствие на основании лишь факта того, что сверхурочные работы могли усилить болезнь рабочего, назначило Герасимову пенсию в полном объёме, 382 рубля 80 копеек [13, л. 6].

Любопытно, каким образом был высчитан размер пенсии. С 1 июня 1913 года по 1 июня 1914 года, то есть за последний год, Сергей Герасимов получил жалования 556 рублей 69 копеек, пробыв на работе 252 календарных дня. Соответственно, его дневный заработок равнялся 2 рублям 20,9 копейкам. Заново было высчитано годовое содержание Герасимова – 574 рубля 34 копейки [13, л. 6 об.]. Получается, вместо того, чтобы взять исходную сумму годового жалования, руководство завода добровольно увеличило размер пенсии на 18 рублей.

Обратимся к характеристике рабочего. Сергей Герасимов работал на Трубочном заводе с 1911 года. Он всегда выполнял свои обязанности качественно и в срок, брал множество сверхурочных часов [13, л. 4]. Когда с ним случилось несчастье, руководство завода не осталось в стороне и помогло финансово. Складывается впечатление, что стратегия фабрикантов предполагала вознаграждение трудолюбивых сотрудников.

Пример противоположной стратегии можно проследить в истории другого рабочего. 29 января 1913 года руководству завода от Василия Яковлева Макарова поступило прошение о выдаче ему пенсии. Из-за работ на моторном станке по обточке стальных труб зрение Макарова значительно ухудшилось. Летящие от станка стружки неоднократно попадали ему в глаза, что и привело к ослаблению зрения. По заверению, Макарова именно этот факт побудил его оставить службу на заводе [14, л. 2].

Врачи Самарского местного лазарета, проводившие освидетельствование Макарова, пришли к заключению, что ослабление зрения являлось результатом воспаления зрительного нерва. Однако причина воспаления не указывалась. 8 марта 1913 года Особое присутствие постановило: «в назначении пенсии бывшему мастеровому заводу Василию Макарову отказать» [14, л. 14 об., 16, 17]. В ходе заседания вскрылось два любопытных факта.

Во-первых, за время работы Макаров 4 раза обращался в приёмный покой для удаления из глаз металлических стружек. Однако факт этих обращений был сочтён незначительным, поскольку не были составлены соответствующие протоколы. Опираясь на факт отсутствия протоколов, руководство принципиально не хотело выплачивать Макарову пенсию. Во-вторых, выяснилось, что рабочий покинул службу не вследствие увечий, а был уволен за явки на работу в нетрезвом виде. Данный факт может являться объяснением, почему руководство отказало рабочему в выплате [14, л. 16].

Помощник присяжного поверенного Владимир Константинович Зеленцов, защищая интересы Макарова, требовал пересмотреть дело. Было назначено повторное освидетельствование. Начальник завода направил обращение к врачам со своими наставлениями.

Надлежало выяснить, не симулировал ли Макаров, а также следовало найти причину снижения зрения, исключая заводские работы. Фабриканты всеми способами старались не дать Макарову возможности получить пенсию. За 4 месяца работы он показал себя как некомпетентный работник, это и стало причиной предвзятого отношения со стороны руководства [14, л. 31, 31 об., 16].

В итоге Макаров просто-напросто не явился на освидетельствование, уехав в родной Оренбург. Скорее всего он посчитал безнадежными попытки получить пенсию и отправился искать новую работу [14, л. 46].

Таким образом, ещё одна стратегия руководства Трубочного завода заключалась в наказании некомпетентных сотрудников. Такие профилактические меры показывали, что несмотря на лояльность фабрикантов, они обладали монополией власти на заводе.

Рассмотрев случаи с рабочими Герасимовым и Макаровым, можно сделать вывод, что руководство Трубочного завода в отношении рабочих следовало патриархальным принципам. В рамках заводского поля фабриканты активно пользовались двумя стратегиями: вознаграждения наиболее трудолюбивых сотрудников и наказания тех, кто нарушал заводские порядки.

Упрямство пострадавшего

В деле Василия Рябинина можно обнаружить обе стратегии. Он был хорошим работником, часто брал сверхурочные, качественно выполнял свои обязанности. Когда его не устроил размер пенсии, руководство пошло навстречу и в ходе второго заседания Особого присутствия увеличило ему пенсию на 10 рублей. Это стратегия вознаграждения. Вопреки ожиданиям, Рябинина не удовлетворил этот результат. Он обратился в Окружной суд. Тогда руководство перестало проявлять лояльность и обратилось к другой стратегии – наказания. Во время финального заседания суда уполномоченный завода требовал понизить рабочему пенсию в соответствии с новыми данными. Суд встал на сторону Рябинина, сохранив ему пенсию. Однако стремление фабрикантов наказать дерзкого рабочего было настолько сильно, что ими была составлена апелляционная жалоба на решение Окружного суда.

Стратегию наказания, к которой прибегло руководство после судебного разбирательства, стоит рассматривать как реакцию на упрямство Рябинина. Фабриканты хотели проучить дерзкого рабочего.

Поведение Рябинина, заключавшееся в нежелание идти на соглашение с руководством завода, мы обозначим термином «упрямство». Стоит отметить, что данный термин не описывает никакой закономерности, а касается исключительно одного единственного рабочего. Почему Рябинин упрямо настаивал на увеличении выплат?

Оказывается, на заводе с Рябининым произошло ещё одно происшествие. 25 сентября 1912 года руководством завода было решено разобрать гидравлический пресс вследствие неисправности. Рябинин, стремясь закончить работу как можно быстрее, пренебрёг техникой безопасности и получил травму мизинца левой руки [15, л. 50, 59]. Судя по расчётной книжке, за свою неосторожность он был оштрафован [1, л. 17]. По всей видимости Рябинин затаил обиду на руководство завода. Когда рабочий получил увечье при сборке нового прессы, его обида вскрылась, проявившись в упрямстве.

Обратимся к биографии Рябинина. До поступления на завод он служил на Самаро-Златоустской железной дороге сторожем [1, л. 65 об.]. Если фабриканты Трубочного завода проявляли лояльность к рабочим и потечески опекали их, то руководство железной дороги вело себя противоположным образом. Рабочим зачастую приходилось судиться с руководством железной дороги, чтобы отстоять свои интересы. Вот наглядный пример.

24 августа 1917 года состоялось судебное заседание по делу рабочего Никиты Сергеева Золина. Руководство железной дороги обвиняло его в самовольном оставлении службы. 20 июня 1916 года Золин подал прошение об увольнении и, не получив по этому поводу никаких распоряжений, спустя две недели на службу не являлся. Сторона обвинения указывала, что в военное время рабочие не имели права оставлять службу, пока распоряжение об увольнении, лично не было им объявлено [16, л. 23 об., 2, 24].

Золин отказался признавать себя виновным. На дознании он объяснил, что оставил

работу по истечении двухнедельного срока после подачи прошения, согласно правилам, изложенным в его расчётной книжке. Свидетели, такие же рабочие, как и Золин указали, что им не объявляли распоряжения о невозможности оставить службу по истечении двухнедельного срока после подачи заявления на увольнение [16, л. 23 об., 2, 24].

В итоге прокурор от обвинения отказался за отсутствием состава преступления. А рабочий Золин был оправдан [16, л. 25]. Этот случай показывал, как руководство железной дороги относилось к своим сотрудникам. Золину не давали уволиться, подали на него судебный иск, так как рабочий просто-напросто хотел уйти со службы.

Вследствие чего рабочие воспринимали фабрикантов как антагонистов. Как представляется, их позиция была более агрессивной, настроенной на открытую конфронтацию. С этой позицией Василий Рябинин устроился на Трубочной завод, что и обусловило его упрямство.

Подводя итог, можно сделать вывод, что фабриканты, руководя Трубочным заводом, следовали патриархальным принципам. Руководство вознаграждало трудолюбивых сотрудников, а некомпетентных, наоборот, наказывало. Пользуясь этими стратегиями, фабриканты укрепляли свой авторитет среди рабочих, что уменьшало риски возникновения забастовок.

Руководство завода свободно могло менять свою стратегию по отношению к одному рабочему, переходя от вознаграждения к наказанию. Стратегии трудящихся зачастую зависели от фабрикантов. Ради получения финансовой выгоды рабочие были готовы сотрудничать с руководством. Обе стороны достигали своих позиций путём взаимной лояльности, а не противостояния.

На примере казуса Василия Рябинина мы можем проследить различия двух полей: Трубочного завода и Самаро-Златоустской железной дороги. Как у рабочих, так и у руководства этих предприятий были разные позиции и стратегии. Рябинин вошёл в поле Трубочного завода, сохранив позицию, присущую полю железной дороге, что выразилось в его упрямстве и нежелании идти на соглашение с фабрикантами. Таким образом, рассмотрение различных полей позволяет

выявить особенности в отношениях рабочих и руководства.

Литература

1. ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2719.
2. Высочайше утверждённые Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств // Полное собрание законов Российской империи. Т. 24. № 24768.
3. Басин С. Г. Самарский пролетариат в годы Первой мировой империалистической войны. 1914–1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1946.
4. Румянцев К. Д. Фабрично-заводская промышленность и пролетариат Поволжья накануне февральской буржуазно-демократической революции // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX века. Куйбышев, 1986. С. 142–155.
5. Прокофьева Е.Ю. Возникновение и развитие военно-химической промышленности Самарской губернии (1911-1941): дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.
6. Володин А. Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., 2009. 207 с.
7. «Не рублём единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Л. И. Бородин, Т. Я. Валетов, Ю. Б. Смирнова. М., 2010. 534 с.
8. Семёнова Е. Ю. Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Самара, 2013. 88 с.
9. Bourdeiu P. Sociology in Question. London, 1993. 184 p.
10. ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 562.
11. Федькин А. В. Повседневная жизнь рабочих Санкт-Петербурга в конце XIX - начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021.
12. Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008. 297 с.
13. ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2721.
14. ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2720.
15. ЦГАСО. Ф. 701. Оп. 1. Д. 587.
16. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 7651.

V. I. RYABININ'S CASE: INSURANCE COMPENSATION AT A PIPE FACTORY IN SAMARA OF THE EARLY 20TH CENTURY

L. M. Komin

In this article on the example of insurance compensation the problem of social obligations in the framework of relations between workers and manufacturers is considered. The article studies the strategies of fabricators, the role of patriarchal traditions in the factory life and the representations of contemporaries about loyal behavior on the materials of court proceedings of Vasily Ivanovich Ryabinin, worker of Samara Pipe Plant.

Key words: injury; insurance compensation; workers and management; plant; everyday practices; behaviour strategies.

Статья поступила в редакцию 23.05.2024 г.

© Komin L. M., 2024.

Komin Leonid Markovich (K.Leonid663@gmail.com),
2th year student of the Faculty of History of Samara University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye shosse, 34.